

NORA ROBERTS

WHISKEY BEACH

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ПРИДАНОЕ
ЭСМЕРАЛЬДЫ

МОСКВА 2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Nora Roberts
WHISKEY BEACH

© Nora Roberts, 2013.
This edition published by arrangement with Writers House
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *А. Бушуева*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Робертс, Нора.

P58 Приданое Эсмеральды / Нора Робертс ; [пер. с англ. А. В. Бушуева]. — Москва : Эксмо, 2015. — 608 с. — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы).

ISBN 978-5-699-80845-8

Спасаясь от внимания газетчиков, бостонский адвокат Эли Лэндон приезжает на морское побережье в особняк Блафф-Хаус, где, согласно легенде, более двухсот лет назад были спрятаны драгоценности, принадлежавшие дочери герцога Эсмеральде. Но и тут покоя нет! Шустрая Эйбра Уолш — молодая и привлекательная экономка Блафф-Хауса — следит не только за порядком в доме. Она готова кое-что исправить и в жизни Эли...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-80845-8

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть 1

ТЬМА

Большинство людей ведет безнадежное существование. То, что зовется смирением, на самом деле есть убежденное отчаяние.

*Генри Дэвид Торо.
«Уолден, или Жизнь в лесу»
(перевод З. Александрова. —
М.: Наука, 1979)*

1

Сквозь ледяную завесу пурги в неверной полосе яркого света от маяка на выступающей в море скале массивный силуэт Блафф-Хауса нависал над Виски Бич. Он с вызовом взирал на холодный и бушующий Атлантический океан.

Я простою здесь столько же, сколько ты будешь сви-репеть там, внизу, как будто говорил он.

На протяжении более чем трех столетий, в том или ином своем воплощении, три массивных этажа возвышались над суровым скалистым побережьем, сквозь темные глазницы окон равнодушно наблюдая за буйством океанских валов.

Небольшое каменное строение, в котором ныне размещался склад садового инвентаря и прочих домашних инструментов, оставалось единственным свидетелем того, с чего здесь все когда-то начиналось. Оно помнило тех, кто в схватке с жестоким и коварным океаном пытался обустроить жизнь на скудной каменистой почве Нового Света. Но каким же ничтожным и хрупким оно казалось по сравнению с внушительной стеной из золотистого песчаника, с изящными фронтонами особ-

7

няка, широкими террасами из основательно потрепанного непогодой местного камня! Блафф-Хаус оставался несокрушимым памятником времен былого расцвета.

Он многое повидал на своем веку: бури, пренебрежение, бездумное расточительство, дурной вкус, взлеты и падения, омерзительные скандалы и высокие подвиги нравственности.

За его стенами жили и умирали, веселились и оплакивали семейные трагедии, строили планы, процветали, праздновали свои победы и тихо увядали многие поколения Лэндонов.

Порой окна Блафф-Хауса светились ярко, как тот большой маяк, что озарял водную гладь у скалистого и величественного северного побережья штата Массачусетс. Порой он как будто съеживался, закрывшись ставнями в ночной темноте.

Он стоял, величественно возвышаясь над бескрайними водными просторами, песчаным берегом и деревней Виски Бич, очень-очень давно, так давно, что уже казался вечным.

Для Эли Лэндона Блафф-Хаус остался единственным местом, где он мог найти пристанище. Убежище от того кошмара, в который его жизнь превратилась за последние одиннадцать месяцев.

Он уже почти перестал узнавать самого себя.

Два с половиной часа езды из Бостона по скользким дорогам окончательно вымотали его. Но первые признаки усталости — а он уже начинал чувствовать это — становились для него в последнее время приятным соблазном, словно ласки любимой женщины. Поэтому он не стал заходить в дом, а какое-то время сидел в машине в полной темноте. Мокрый снег хлестал по лобовому стеклу, по крыше, а он все не мог решить, как ему следует поступить: собраться с силами и войти в дом или остаться в машине и, возможно, даже попытаться уснуть в ней.

Как глупо, подумал он. Конечно, было бы абсолютно идиотским поступком заснуть в машине, когда всего в нескольких шагах от него находится особняк с удобными кроватями, в одной из которых можно прекрасно выспаться.

Но, с другой стороны, ему сейчас явно не доставало силы воли, чтобы встать и вытащить чемоданы из багажника. Вместо этого он схватил две небольшие сумки, лежавшие на сиденье рядом с ним, — сумки с ноутбуком и несколькими самыми нужными вещами.

Мокрый снег хлестал Эли в лицо, когда он вылез из машины, но холоду и пробирающему до костей ледяному ветру с Атлантики удалось хотя бы сорвать с него верхние слои окутывавшей его отупляющей сонливости.

Волны с гулом ударялись о камни, лизали береговой песок, и их шум сливался в неумолкающий звериный рык. Эли вытащил из кармана пиджака ключи от дома и поспешно проследовал под крышу широкого каменного портика перед массивной двойной входной дверью, вытесанной более столетия назад из бирманского тика.

Прошло уже два — нет, уже почти три — года с тех пор, как он в последний раз был здесь. Жизнь слишком закрутила его, а работа и семейная катастрофа не позволяли ему приехать сюда к бабушке на каникулы, даже в небольшой отпуск, даже просто на уик-энд.

Конечно, он проводил время в обществе неукротимой Эстер Хоукин Лэндон всякий раз, когда она выбиралась в Бостон. Эли регулярно звонил ей, посылал электронные письма, напоминал о себе в «Фейсбуке» и общался по скайпу. Эстер уже приближалась к восьмидесятилетнему юбилею, но всегда с великим энтузиазмом и любопытством встречала любые технические новшества.

Он водил бабушку в рестораны, на вечеринки с коктейлями, дарил цветы, присылал открытки, подарки, устраивал встречи всем семейством на Рождество и на юбилеи.

И все это, думал Эли Лэндон, открывая дверь, были всего лишь многочисленные оправдания тому, что он не нашел времени, чтобы приехать в Виски Бич — место, которое его бабушка любила больше всего на свете, и провести с ней по-настоящему много времени, уделить ей то внимание, которого она от него всегда ждала.

Он сразу отыскал нужный ключ и открыл дверь. Войдя в дом, зажег свет.

Эли сразу же обратил внимание на то, что она кое-что поменяла в доме. Неудивительно, бабуля умела сочетать любовь к переменам с уважением к традициям.

Несколько новых картин — морские пейзажи, сады и прочее — приносили мягкие тона в густо-коричневый цвет стен. Эли бросил сумки прямо у входа и мгновение просто осматривался, любуясь просторным и шикарно обставленным холлом.

Он обвел взглядом лестницу — оскалившихся горгулий, венчающих балясины, изготовленные когда-то по заказу кого-то из Лэндонов, отличавшегося особыми причудами. Два пролета лестницы, справа и слева, изящно изгибаясь, вели к северному и южному крылу дома.

Множество спален, подумал Эли. Ему просто нужно подняться по лестнице и выбрать одну из них.

Но не сразу.

Вместо этого он прошел в ту комнату, которую в семье называли главной гостиной, с высокими стрельчатыми окнами, выходившими в сад перед домом, или, точнее, в то, что станет садом после того, как зима отпустит его из своих цепких когтей.

Бабушки не было здесь уже больше двух месяцев, но Эли нигде не увидел ни пылинки. В камине были

аккуратно положены дрова, оставалось лишь развести огонь. На изящном столике, который ей так нравился, стояли свежие цветы. Взбитые подушки на трех диванах, расставленных вдоль стен гостиной, смотрелись удивительно маняще, а пол с паркетом каштанового цвета блестел, как зеркало.

Бабушка, наверное, договорилась с кем-то, кто следит за домом, решил Эли и потер лоб в том месте, откуда начинала расплзаться головная боль.

Она же вроде говорила ему? Говорила, что кто-то будет следить за домом. Какая-то соседка, которая и прежде регулярно делала здесь генеральную уборку. Да, Лэндон прекрасно помнил, что Эстер ему говорила, он просто забыл, память на какое-то время покрылась той пеленой тумана, которая в последнее время часто заволакивала его мысли.

Теперь его главной заботой станет присмотр за Блафф-Хаусом. Нужно заботиться о нем, как просила бабушка, поддерживать в нем жизнь. И, возможно, как она говорила, это поможет и ему самому по-настоящему вернуться к жизни.

Эли поднял сумки, взглянул на лестницу и застыл на месте.

Бабушку нашли там, у нижней ступеньки. А кто нашел? Кажется, соседка... Соседка? Не была ли она той самой соседкой, которая убирала в доме? Кто-то, кем бы он ни был, слава богу, нашел ее здесь. Эстер лежала без сознания, вся в синяках и ссадинах, истекающая кровью, с разбитым плечом, сломанным бедром и ребрами, с сотрясением мозга.

Она могла умереть. Врачи искренне удивлялись тому, с каким неистовством эта пожилая женщина цеплялась за жизнь. К ней редко заглядывал кто-то из членов семьи, ей нечасто звонили, и ни у кого из них, включая и самого Эли, не вызвало бы особого беспокойства то, что она день или два не отвечает на звонки.

Эстер Лэндон, независимая, неуязвимая, непобедимая.

Но она на самом деле могла бы умереть после того страшного падения, если бы не помощь соседки и ее собственная железная воля. Теперь же на время выздоровления от травм Эстер Лэндон поселилась в нескольких комнатах в Бостоне, в доме его родителей. Там она должна оставаться до тех пор, пока врачи не признают, что ее состояние позволяет ей вернуться в Блафф-Хаус, а может быть, если она послушает совета его родителей, то и несколько дольше.

Ему захотелось вспомнить о ней здесь, в доме, который она так любила, вспомнить о том, как она по вечерам сидела на террасе с бокалом мартини, созерцая океанские дали. Или о том, как она прохаживалась по саду, возможно, подыскивая удобное место для занятий живописью.

Ему хотелось видеть бабушку энергичной и крепкой, а не беспомощно лежащей на полу с поломанными костями и ребрами.

Да, он сделает все, что в его силах, чтобы поддержать жизнь в этом доме до ее возвращения.

Эли поднял сумки с пола и стал подниматься по лестнице. Он решил остановиться в той комнате, в которой останавливался всегда, приезжая в Блафф-Хаус, когда подобные визиты еще не стали редкими и случайными, как в последнее время. Линдси ненавидела Виски Бич, Блафф-Хаус и сумела превратить поездки туда в некую разновидность холодной войны, в которой противостоящими сторонами были его бабушка, демонстрировавшая холодную вежливую сдержанность, и его жена, отвечавшая ей вежливостью, подчеркнута фальшивой. Страдал же от такого положения дел больше всех Эли, оказывавшийся между ними.

Теперь он считал, что выбрал самый легкий способ решения проблемы. Он мог лишь сожалеть о том, что перестал приезжать в Виски Бич, о том, что всякий раз находил массу глупых отговорок и ограничил встречи с бабушкой только ее не слишком частыми визитами в Бостон. Но время невозможно повернуть назад.

Эли вошел в спальню. Здесь тоже цветы, сразу же заметил он, и тот же пастельно-зеленый цвет стен, и две бабушкины акварели, которые ему особенно нравились.

Он поставил сумки на скамеечку рядом с массивной, причудливой формы кроватью и снял пальто.

Здесь все было по-прежнему. Небольшой письменный стол у окна, широкие двери, ведущие на террасу, кресло с подголовником и маленькой скамеечкой для ног, подушечку для которой много лет назад украсила вышивкой его прабабушка.

Эли пришло на ум, что впервые за долгое время он почувствовал себя дома. Почти дома... Он открыл сумку, извлек оттуда туалетные принадлежности, затем отыскал чистые полотенца и пахучее мыло. В ванной, как и прежде, приятно пахло лимоном.

Он разделся, стараясь не смотреть на себя в зеркало. За последний год он сильно похудел, слишком сильно. Любые напоминания об этом были ему неприятны. Он включил воду, вошел под горячую струю, в надежде на то, что она смоет хотя бы часть накопившейся усталости. По своему опыту Эли знал, что если ляжет в постель вымотанным и подавленным, то спать будет урывками и проснется с мучительной головной болью.

Выйдя из душа, он выхватил полотенце из стопки и, вытирая им волосы, вновь ощутил аромат лимона.

Влажные волосы скручивались в завитки на шее — густая светлая шевелюра, которую он в последнее вре-

мя отрастил так, как не отращивал с юности. Он уже почти год не посещал своего парикмахера Энрике. Теперь у него не возникало потребности ни в стрижке стоимостью в сто пятьдесят долларов, ни в обширной хранившейся у него коллекции итальянских костюмов и туфель.

Он больше не был одетым по последней моде адвокатом, защитником в уголовных процессах, с кабинетом и со своей собственной адвокатской конторой в ближайшей перспективе. Тот человек — прежний Эли Лэндон — умер вместе с Линдси.

Эли откинул толстое одеяло, мягкое и белое, как полотенце, нырнул под него и выключил свет.

В темноте до его слуха продолжал доноситься немолкающий шум прибора, рев волн и стук ледяного дождя по окнам. Эли закрыл глаза в надежде на несколько часов полного забвения.

Всего несколько часов, на большее он не рассчитывал.

Черт, как же он облажался! Никто, ни один человек, думал он, мчась на машине сквозь густую пелену холодного дождя, не способен вывести его из себя так, как Линдси.

Вот же сучка!

Он прекрасно понимал, что вряд ли кто-нибудь мог бы соперничать с ее умом и особенно с ее железной волей. Она сумела убедить не только себя, но — Эли был абсолютно в этом уверен — и массу друзей, свою мать, сестру и бог знает кого еще в том, что их брак распался исключительно по его вине. Что исключительно из-за него они начали с посещений семейного психоаналитика, а закончили судебными тяжбами, готовясь к разводу.

И только по его вине, черт подери, она изменяла ему на протяжении более восьми месяцев, на пять месяцев

дольше, чем тянулся их бракоразводный процесс, которого она так добивалась.

Наверное, его вина состояла также и в том, что он каким-то загадочным образом выяснил, что она лжет, интригует, изменяет ему. Это стало известно еще до того, как должен был поставить свою подпись в пустой строке документа, чтобы дать возможность Линдси начать свободную от него жизнь с приличным содержанием, которое будет выплачиваться из его же кармана.

Значит, они оба облажались, заключил он. Он — потому, что оказался таким идиотом, она — потому, что не сумела до конца сохранить все в тайне.

И, вне всякого сомнения, только он виноват в той злобной, грубой и поистине непристойной перепалке по поводу ее измены, которую они устроили в картинной галерее, где Линдси некоторое время подрабатывала. Конечно, кто будет спорить, он выбрал неудачный момент для выяснения отношений и не слишком красиво вел себя. Но теперь ему было на все это наплевать.

Ей так хотелось переложить всю вину на него потому, что она сама стала вести себя до такой степени беззастенчиво, что его собственная сестра застала ее с другим мужчиной. Они буквально висли друг на друге там, в вестибюле отеля в Кембридже, где вдвоем ожидали лифт.

Да, конечно, Триша ему не сразу обо всем рассказала, возможно, выждала пару дней, но он не мог на нее за это обижаться. Трише было сложно решиться и рассказать ему все. И ему самому потребовалась еще пара дней, чтобы успокоиться и набраться мужества для поисков надежного частного детектива.

Восемь месяцев — эта цифра снова и снова всплывала в его памяти. Она спала с каким-то другим мужчиной в гостиничных номерах, в дешевых мотелях и еще бог знает где. Ну, естественно, она была слишком умна,